i material'naja kul'tura). Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2001.

21. Pletneva O.L. Lingvopragmatichna semantika «kruglosti» v semiosferi ukraïns'kogo vesil'nogo obrjadu // Visnik Har'kivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. 2009. № 843. Ser. Filologija. Vip. 55. S. 125–129.

22. Podillja. Istoriko-etnografichne doslidzhennja. Kiïv: Vidavnictvo NKC «Dolja», 1994.

23. Podjukov I.A., Horobryh S.V., Antipov D.A. Jetnolingvisticheskij slovar' svadebnoj terminologii Severnogo Prikam'ja. Usol'e, Solikamsk, Berezniki. Perm': Perm. kn. izd-vo, 2004.

24. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1967.

25. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti: okolo 17000 slov / pod red. prof. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

26. Slovar' oblastnogo vologodskogo narechija. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g. SPb.: Nauka, 2006.

27. Slovar' orlovskih govorov. Vyp. 1–4. Jaroslavl': JaGPI im. K.D. Ushinskogo, 1989–1991; Vyp. 5. Orel: OGPI, 1992.

28. Slovar' russkih govorov Sibiri / pod red. A.I. Fedorova. T. 1–5. Novosibirsk: Nauka, 1999–2006.

29. Slovar' russkih govorov Srednego Urala. Dopolnenija / pod red. A.K. Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1996.

30. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova, S.A. Myznikova. M., L.: Nauka, 1965. Vyp. 1.

31. Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti) / pod red. I.A. Ossoveckogo. M.: Nauka, 1969.

32. Slovnik ukraïns'koï movi: v 11 t. Kiïv: Nauk. dumka, 1970–1980.

33. Sloŭnik belaruskih gavorak paŭnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha: u 5 t. / rjed. Ju.F. Mackevich. Minsk: Navuka i tjehnika, 1979–1986.

34. Scjashkovich T.F. Sloŭnik Grodzenskaj voblasci. Minsk: Navuka i tjehnika, 1983.

35. Tematicheskij slovar' govorov Tverskoj oblasti. Vyp. 4. Tver': TvGU, 2005.

36. Tolstaja S.M. Motivacionnye semanticheskie modeli i kartina mira // Tolstaja S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive. M.: Indrik, 2008. S. 188–204.

37. Tolstaja S.M. Terminologija obrjadov i verovanij kak istochnik rekonstrukcii drevnej duhovnoj kul'tury // Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Rekonstrukcija drevnej slavjanskoj duhovnoj kul'tury: istochniki i metody. M.: Nauka, 1989. S. 215–230.

38. Tradycyjnaja mastackaja kul'tura belarusaŭ: u 6 t. T. 5. Cjentral'naja Belarus': u 2 kn. Kn. 1 / V.I. Bas'ko [i insh.]; idjeja i agul. rjed. T. 5 T.B. Varfalameevaj. Minsk: Vyssh. shk., 2010.

39. Turaŭski sloŭnik: u 5 t. / sklad. A.A. Kryvicki, G.A. Cyhun, I.Ja. Jashkin. Minsk: Navuka i tjehnika, 1982–1987.

40. Haruzin M.N. Svedenija o kazackih obshhinah na Donu. Materialy dlja obychnogo prava. Vyp. 1. M.: Tip. M.P. Shhepkina, 1885.

41. Jaroslavskij oblastnoj slovar': ucheb. posobie: v 10 vyp. Jaroslavl': JaGPI imeni K.D. Ushinskogo, 1981–1991.

Motivation potential of the lexical group "ceremonial bread" in the Eastern Slavic wedding ritual

There is considered the motivation potential of cultural terms that denote ceremonial bread in Eastern Slavic wedding. There are marked out three groups of notions derived from the terms with the meaning of ceremonial baking: names of wedding episodes, its personages and attributes. There are determined the peculiarities of each group of notions and the reasons for their appearance.

Key words: *Eastern Slavic wedding ceremony, cultural term, ceremonial bread, motivation potential.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Т.Г. БАСАНГОВА
(Элиста)

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРЯДОВ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ОГНЮ

Исследуется обряд жертвоприношения огню – древний обряд калмыков, сохранившийся до наших дней. Основное назначение данного обряда – это призывание счастья для своего рода и семьи.

Ключевые слова: *обряд, ритуал, огонь, благопожелание, счастье.*

В древности человек сильно зависел от окружающей его природы и был беззащитен против ее сил, в страхе он невольно преклонялся перед ее явлениями.

Целью данной статьи является изучение вербального компонента в обряде жертво-

© Басангова Т.Г., 2015

приношения огню. Призывание и жертвоприношение огню – обязательный атрибут почти всех обрядов, связанных с домом, свадьбой, хозяйством, плодородием и деторождением, именно поэтому данный ритуал в калмыцкой культурной традиции находится на стадии возрождения.

Большую роль в создании данной устной поэтической традиции калмыков сыграли йорелчи – люди пожилого возраста, знатоки обряда. Как правило, они возглавляли весь ритуал культовых обрядовых жертвоприношений воде, земле, огню.

Обряд жертвоприношения, проводившийся в честь природных объектов, определяется как «кишиг дуудх» – «призывать счастье», «кишиг дайлх» – «звать счастье, делая призывный жест рукой». Сообразно с сезоном года калмыки празднуют наступление весны, осени, соответствующие обряды жертвоприношения носят названия *ћазр ус тәклһн* – «освящение земли и воды», *ова тәкх* – «поклонение кургану», *ћал тәклһн* – «поклонение огню».

Калмыцкие тайлганы (от *тәклһн* – поклонение, жертвоприношение) описаны многими учеными, а также знатоками народной обрядности [1; 3; 4 – 6; 15; 16]. Праздничный ритуал жертвоприношения огню домашнего животного «гал тайлган», характерный для кочевых народов, сохранился у калмыков до настоящего времени. «Гал тайлган» проводился 1-го числа месяца мыши (*хулһн*). В некоторых случаях «гал тайлган» – элемент семейной обрядности калмыков. В частности, на свадьбе принесение жертвы огню происходит два раза: после того как невеста покинула родной дом и когда она переступает порог дома жениха. Ритуал «гал тайлган», проводимый при рождении ребенка, носит умилостивляющий характер, на похоронах – очищающий. Считалось, что в месяц мыши каждая калмыцкая семья должна совершить обряд жертвоприношения огню. Жертву огню приносили бараном красной или белой масти, его резали бескровным методом на белом войлоке, разделывали, отделяя голову, все четыре ноги, крестец, грудную кость. Правую переднюю ногу – *ха* – подвешивали на решетку юрты. Баранью голову и крестец варили и устанавливали на алтарь дееджи. Вареные сердце, печень, дыхательное горло, внутренний жир, брюшину укладывали в небольшой мешок, который назывался *дайлһна уут* – «мешок для размахивания» над огнем. Этой сумкой в ритуале жертвоприношения огню распоряжался мальчик – младший член семьи, который откусывал понемногу сердце барана по ходу ритуала, доставая его из сумки.

Ритуал жертвоприношения огню, происходящий в доме как часть свадебного обряда, подробно описан И.А. Житецким [4, с. 23–25]. Ритуал совершается по случаю приезда невесты в дом жениха. Заблаговременно режут и варят барана. Сооружают из палок высокий четырехгранник, похожий на колодезный сруб. Берут десять ребер (от передней левой части туши) и кладут на этот сруб; сверху их – грудную кость без мяса, завернутую в шерстяную пряжу, обертывают все это полосой мяса. Жертвенный сруб поджигают, бросают в него кусочки жира, затем кладут на него берцовую кость от правой задней ноги, нижнюю челюсть барана. Затем в огонь бросают серебряные и медные монеты. Отправителем этого обряда является отец жениха.

В свадебном, как и в календарном, «гал такилган» вареные легкие, печень, сердце, желудок, наполненный варенной в нем кровью, кладут в посуду или сумку из кожи. Отец жениха размахивает этой сумкой и произносит молитвенное восклицание «Хуру! Хуру!». После каждого возгласа вареное сердце также надкусывает один из самых маленьких родственников.

Обряд поклонения огню устраивался как родовой, семейный и индивидуальный. На родовой обряд собирались только члены одного родового коллектива. Жертву огню приносили также в семейных обрядах (родины, свадьбы и похороны), описание которых мы привели выше. Индивидуальные обряды поклонения огню совершали в случае тяжелой болезни члена семьи или посредством его совершали церемонию очищения.

А. Позднеев разъясняет смысл обряда «гал тайлган». Он описывает обряд очищения огнем нового места кочевки: «В древние времена калмыки молились Окон-тенгри. Огню придавалось большое значение. И калмыки, прибыв на место кочевки, первым делом совершали “тайлган” и молились, бросали в огонь жир и масло. В печке (*зуух*), которая стояла во дворе, зажигали огонь и бросали туда баранью голову; если ее не было, желтым или белым маслом делали форму ее головы и совершали тайлган: сопровождали словами: “хүрү, хүрү, хүрү” [17]. В работе А. Позднеева приведен текст йорела, в котором главным мотивом является обращение к небу:

Молитесь Окон-тенгри,
Молитесь хозяину земли и вод,
Чтобы у вас было что поесть и выпить,
Верхнее сине-синее небо пусть
Нам даст пищу, еду и одежду,
А также множество детей! [17].

П. Небольсин также, описывая праздник «гал такилган» со слов калмыков – участников обряда, пишет, что «огонь калмыки считают воплощением солнца. Ежегодно в месяц мыши совершают этот обряд приношения жертв огню. Огню приносят жертву бараном, для этого в каждой семье режут лучшего барана и при собрании ближайших родственников варят его в кибитке главы семейства, в большом котле. Когда мясо поспеет, то домочадцы, помолившись, разделяют его на части; потом обращаются лицом к бурханам и одну часть барана сжигают, совершенно без остатка, на том же костре, на котором варили мясо. Остальные части мяса раздаются членам семьи, из которых каждый первый свой кус приносит в жертву бурханам и возлагает на дееджин-цекцо. Остатки жертвенного мяса съедаются только родственниками и однохотонниками, с посторонним человеком, хотя бы и калмыком, им не делятся» [15, с. 127].

Г.И. Михайлов отмечает, что слово «даллага» понималось как «призывание счастья». Буквальное значение выражения *«һар дайлх»* – «совершать призывный жест рукой» [11, с. 18]. Главное назначение обряда жертвоприношения огню – это «установить счастье» (*кишг тогтах*) для участников обряда.

Подробные сведения об обряде жертвоприношения огню приводятся в рукописях «Һал тахилганы судар» («Сутра о жертвоприношении огню»), «Һалын ероол» («Благопожелание огню»), хранящихся в Государственной библиотеке Монголии [2, с. 203].

На современном этапе обряд жертвоприношения огню у калмыков находится на стадии возрождения. В устном бытовании записан текст йорела, сопровождающий похоронный обряд, в котором также совершали этот ритуал испрошения счастья ([19, с. 162], инф. Убушиев), как и в свадебном обряде [Там же]. Жертвоприношение огню описано в романе М. Нармаева [12, с. 98]. Мотивировкой обряда является восстановление в семье, роду счастья, которое, по представлениям калмыков, уходит вместе с дочерью, выданной замуж, в другой род, вместе с покойным, уходящим в лучший из миров. Обряды жертвоприношения огню современными калмыками проводятся на священных местах того или иного рода, на местах прежней кочевки с приглашением всех членов рода [13; 14]. Благопожелание-йорел воспроизводит ритуал жертвоприношения огню. Во-первых, описывается поведение руководителя обряда:

Моһлцг толһаһан гекч,	Склонив круглую голову
Мохр өвдгән сөгдж,	И преклонив колени,
Сарин сәәһинь сәкж,	Выбрав лучший из месяцев,
Өдрин сәәһинь ончлж…	Выбрав лучший из дней…

Во-вторых, называется жертва, которая приносится огню, – это «белый баран с желтой головой». О роли жертвы пишет Е. Новик: «Жертвенное животное при соблюдении всех правил его отправки трансформировалось в говорящего посредника между людьми и духами» [16, с. 135].

В-третьих, дается обращение участников обряда к божеству огня Окон-Тенгри – деве огня, с которой связываются плодородие и возрождение жизни: «Прошу у Огненной Окон-Тенгри счастья и благоденствия».

В йореле, записанном от Э. Убушиева*, и в тексте йорела, воспроизведенном в романе М. Нармаева, испрашивается счастье для четырех видов скота, описанных в форме магтала – восхваления.

1. Алд өвртә, аршм ташата, Арслһг эрәтә шар цоохр Үкр малын кишг тогтх болтха! Хүрә! Хүрә!	1. Пусть укрепится счастье Для желто-пестрых коров, Похожих мастью на львов и с саженными рогами, Аршинными бедрами. Хурэй! Хурэй!
2. Төв сүүлтә, тевш семжтә, Торһн нооста, күрһг улан хөөдин Кишг тогтх болтха! Хүрә! Хүрә!	2. Пусть укрепится счастье Для красно-коричневых овец с шелковистой шерстью, Прекрасным хвостом и жирной брюшиной! Хурэй! Хурэй!
3. Савһр делтә, Сарсхр сүүлтә Шарһ алтн адун малын Кишг тогтх болтха! Хүрә! Хүрә!	3. Пусть будет счастье для табуна золотисто-соловых лошадей С растрепанными гривами И длинными хвостами. Хурэй! Хурэй!
4. Хар, шар атн иһгнә, Кишг тогтх болтха! Хүрә! Хүрә!	4. Пусть будет счастье Для желто-черного холощеного верблюда и верблюжонка. Хурэй! Хурэй!

В тексте йорела рефреном проходит возглас «Хурэй! Хурэй!». Происхождение обычая восклицать «Ай хурый! Хурый!» восходит к эпохе раннего первобытнообщинного строя и связано с тотемно-оргиастической обрядностью [10, с. 194].

В варианте йорела в воспроизведении Э. Убушиева испрашивается счастье для участников обряда похорон – для крепких парней, красивых девушек, для прекрасных неве-

* Инф. Э. Убушиев, 1917 г.р., дербет.

сток. В тексте йорела упоминается четырехглазая черная собака Хар Балтк с белым пятном, для которой также испрашивается счастье. А.Г. Митиров упоминает о собаке по кличке Хасыр, которая отличается хорошими приметами. После смерти эту собаку хоронят с особым почетом, в рот наливают масло и вкладывают серебряную монету [9, с. 53–58], т.е. совершают жертвоприношение. Упоминание четырехглазой собаки в йореле, произносимом на похоронах, не случайно, т.к. собаки выступают «в индийской мифологии как проводники божества подземного мира Ямы (он же в монгольском мире – Эрлик-Номин-хана)» [1, с. 224]. В повседневной кочевой жизни калмыков собака – верный спутник, охраняющий жилище и скот.

В монгольском фольклоре от слова *дайлх* произошло название жанра – «даллага». Жанр «даллага» (призывание счастья) представлен образцами «Тэмэний даллага» («Призывание счастья для верблюда»), «Шувууны даллага» («Призывание счастья в день прилета птиц»), состоящими из нескольких строк [11, с. 19].

Когда прилетят белоснежные птицы,
Когда оттают снежные горы,
Когда ожеребится светло-рыжая кобылица,
Пусть придет огромное счастье.

Обряд «даллага» связан с наступлением весны, с надеждами скотоводов на хороший приплод, и это ожидание благополучной, счастливой жизни они соотносят также с образами животных и птиц.

В обряде жертвоприношения огню каждая строка йорела заканчивается формулой *Цог хәәрхен* – это обращение к духу огня, которого склоняют к милосердию жертвенным животным, кусочками мяса, молоком. Исполнитель обряда умилостивливает таким восклицанием духа огня. У алтайцев обращение звучит как «чок» – это заклинание, «успокаивающее духов» [18, с. 8]. У бурят «соок» – восклицание шамана после каждого фрагмента призывания духа в значении «принимай призыв или молитву, принимай жертвоприношение» [8, с. 79].

В обряде поклонения невестки родовому очагу жениха произносят сложный йорел, состоящий из нескольких частей. Их количество зависит от йорелчи. По свидетельству информанта, свадебный обряд поклонения огню совершался не у всех калмыков, а только у дербетских родов (инф. Н.У. Убушиев). Данный обряд проходил следующим образом. Невестку сажали на пороге дома или у двери, затем один из почитаемых людей из рода жениха клал руку на голову невестки и наклонял ее в такт произносимому тексту. Один из стариков, присутствующих на церемонии вхождения невестки в дом жениха, произносил йорелы, совершая кропления (цацал) божествам (тенгриям). Невестке для совершения поклонения родовому очагу приготавливали несколько кусочков бараньего жира, чтобы она принесла жертву божеству огня Окон-Тенгри. Круглые кусочки бараньего жира, который невестка бросает в огонь, олицетворяют собой барана, приносимого в жертву в умилостивительных целях.

Первое молитвенное благопожелание невесты было обращением к Огненной Окон-Тенгри:

А, хәәрхн,	А, хайрхан,
Һалын Окн Теңгр,	У Огненной Окон-Тенгри
Эн авсн орулҗ авсн бер	Невестка, вошедшая
Шүтҗ, зальврҗ, мөргҗ,	В наш дом, поклоняясь,
Һал туск аюлас	Просит благополучия,
Менд амулҗ һарһҗ	Чтобы жила она
Сән сәәхн	В новом доме
Байрта-бахта йовхиг	В счастье и благоденствии.
Һалын Окн Теңгрәс	
Эрҗ-сурҗ мөргҗәнәв.	

В данной молитве Огненная Окон-Тенгри воплощает в себе огонь семейного очага, которому поклоняется невестка. После поклонения огню и произнесения йорела невестка умилостивляет родовой огонь несколькими кусочками сала, чтобы жизнь в новой семье была сытной.

Второй поклон невестка адресовала малой берцовой кости («шага чимген») как символу плодородия, испрашивая большое потомство. Третий поклон невестка совершала в честь хозяина земли – Белого старца, а также в честь верховных небожителей, которые именуются *Деедс* (Всевышние). Четвертый поклон невестка посвящала покровителям (сякюсенам) рода, куда она входит. В данном варианте йорела, записанного от сказителя Н.У. Убушиева, этим покровителем является буддийское божество Манчжушри. Таким образом, обряд поклонения невестки родовому очагу состоит из нескольких частей, в фольклорной традиции сохранились разные варианты.

Обряд поклонения огню совершался в конечном счете для того, чтобы невестка «вошла» в счастье и благоденствие рода жениха, которыми он обладает. Эта просьба звучит и в йореле, произносимом в заключительной части обряда и содержащем пожелания невестке:

Идән-чигән	Пусть будет много
Элвг-делвг болҗ,	Белой пищи – идән,
Орулҗ авсн бер,	Пусть невестка,
Ирсн һазриннь	Вошедшая в дом,
Өлзә кишгт багтҗ,	Живет в счастье и добре,
Батта сән өрк-бүл болҗ,	Пусть у нее будет
Өсч-өргҗ йовтха.	Крепкая и дружная семья.

Баран (или его заменитель – баранья голова) очень часто выступал в качестве жертвенного животного в калмыцких обрядах и обрядах других народов [7, с. 304]. Если в семье заболевал кто-нибудь, домочадцы обращались к знающему (гелюнгу), и тот советовал выпить бульон из мяса барана определенной масти. Обычно в роли искупительной жертвы был баран с черной шерстью. На свадьбу забивается, согласно тексту калмыцкой песни, баран с желтыми ушами. У синьцзянских ойратов благопожелание дому именуется «гер милялген». Часть йорела посвящена «тооно» – деревянному круглому верху кибитки (дымоходу) – и звучит следующим образом:

Хусм модыг хумрулн кегсн болвчн, Хурмстин теңгрин, Нар, сарин герлиг шиньгнән тогтан кегсн Хусм тоонынь милəй!	Березовое дерево сгибая, его смастерили, Воплотило оно в себе свет солнца и луны, И Хурмаст-тенгри. Благословим это тооно, сделанное из березы [20, с. 55].

Очаг, дымовое отверстие занимали большое место в магических обрядах, ибо они были вместилищем огня – покровителя семьи. Голова барана нередко приносилась в жертву дымоходу. В обряде выбрасывания бараньей головы через «тооно» кибитки отражены архаические ритуалы и верования: поклонение солнцу, луне, почитание неба. Кроме того, верхний дымовой круг кибитки сделан из березы (*хусм тооно*) – шаманского дерева, и в этом действии отражена своеобразная форма поклонения ему.

Изучение поэтических текстов йорелов, исполнявшихся в обрядах жертвоприношения, показало, что они имеют определенную композицию. Все культовые обряды предназначены для испрашивания счастья – *кишг сурх*. Вступление включает в себя формулу обращения к духам гор «А, хəəрхн», к Огненной Окон-Тенгри, а также к умершим предкам, которые стали небесными покровителями – сякюсенами. Обращаясь к ним, старик-йорелчи говорит, что дух жертвенной пищи (*ур дееж* – букв. «пар от почетной пищи») достигает верхнего мира – мира небожителей.

Основная часть культового благопожелания непосредственно связана с обрядом жертвоприношения. Описание жертвенных животных имеет свою особенную поэтику. Обряд проводится в один из благоприятных дней. Исполнитель йорела называет масть животного – белая овца с желтой головой или белая овца с желтыми ушами. Жертвуемая овца имеет огненную природу и связана с солярным культом. Далее йорелчи произносит монолог призывания счастья для людей и магталы–восхваления четырех видов скота (образец приведен в начале раздела).

Обращение к Окон-Тенгри возможно как в зачине благопожелания, так и в его заключительной части, именуемой *хуруллһн* (призывное взмахивание рукой) или *кишг дайлх* (призывать счастье, взмахивая рукой). Для текста «Йорела огню» характерно вторичное обращение к Окон-Тенгри с просьбой о покровительстве.

Словесный текст, сопровождавший обряд жертвоприношения Окон-Тенгри, Э.П. Бакаева обозначает как молитву [1, с. 192]. Из данного текста молитвы-призывания органично выделяется финальная часть, которая состоит из 15 строк. В современной фольклорной традиции эта часть может бытовать самостоятельно как благопожелание.

Əə, хəəрхн, Һалын Окн теньгр эвəж, Бурумдн тəвж хəəрлтн, Өндр кесн керг кемтг уга Цогцтн гиигн Сурсн сурһальтн өмəрən йовж, Кесн көдлмш өмəрən йовж, Сансн күцж Кен ахан күндлж Кен бичкнən эңкрүлж, Салаһарнь тосн һоожж Көрстə алтн делкəд Олн əмтнə хормад багтж, Амульһ жирһж йовцхитн Олн Деедс евəтхə!	А, хайрхан, Умилостивливаем Огненную Окон-Тенгри, Освободите нас от неправедных мыслей и дел, Пусть исполнятся все ваши большие дела. Пусть небеса вам не даруют болезни, Пусть будут у вас успехи в учебе, Пусть исполнятся все ваши дела, Пусть замыслы все исполнятся, Будем почитать старших, Будем ласкать и нежить младших, Пусть по рукам течет жир. Поклоняемся Користой Золотой Земле, Разделим судьбу и счастье вместе со всеми людьми. О спокойствии, счастье и благоденствии Просим Всех Всевышних!

В одной из частей текста йорела излагается просьба об избавлении от грехов, о даровании благополучия данной местности:

Мана буруг тəвтн!	Отпустите наши грехи!
Хүрə! Хүрə! Хүрə!	Хурай! Хурай! Хурай!

К высшим божествам обращались с молитвенной просьбой: *«Хəəрлтн!* – Пожалуйста, даруйте!» Восклицание «Хурай!» повторяется вслед за йорелчи всеми участниками обряда. Это придавало особую эмоциональность ритуалу. В текстах йорела, наряду с небесными покровителями-сякюсенами, называются буддийские божества Зеленая Тара, Зункава, Белый старец. Небесных покровителей просят об избавлении от бед и несчастий.

Гем-зовлңгас, килнцәс Маниг тәвтн! Хүрә! Хүрә! Хүрә!	Освободите нас от болезней, Страданий и грехов! Хурай! Хурай! Хурай!

Для поэтики культовых йорелов характерны образные формулы-клише, встречающиеся в других текстах:

1. Олн нас күрч, Олн әмтнә хормад багтж, Маниг хәәрлтн!	1. Многих лет жизни достигнуть вам, Обретя свое место среди многих людей, Ниспошлите нам свою защиту и милость!
2. Атан – таньдго байн, Ачнран – таньдго өвгн болтха!	2. Пусть станет богачом, Не знающим, сколько в его табуне верблюдов, Пусть станет стариком, Окруженным множеством внуков!
3. Сансан күцж, Кен ахан күндлж, Кен бичкнән эңкрулж!	3. Пусть мечта исполняется, Пусть старших почитают младшие, Пусть младших лелеют старшие!

Для частей йорела-благопожелания были характерны внутренняя аллитерация, синтаксический параллелизм. В тексте йорела отражено трехмирие: Верховный мир – мир божеств-покровителей, Средний мир – это земля, Нижний мир населяют враждебные силы. В заключительной части йорелчи обращается ко всем с пожеланием, чтобы в жизни наступили мир и благополучие:

Зуд уга hолд, Зовлң уга кецд, Олн-әмтнә хормад	У реки, где не бывает бескормицы, У склонов, где нет страданий,
Амулңг менд йовхиг хәәрлтн, Хүрә! Хүрә! Хүрә!	Пусть весь наш народ Живет в благополучии, Хурай! Хурай! Хурай!

Обряд «гал тайлган» проводился в погребальном обряде, во время прощания с покойным. Жертвенное мясо раздавали только родственникам. Характерно, что йорелы, относящиеся к поминальной и похоронной обрядности, записаны и опубликованы в 1990-е гг., ранее они были вне поля зрения калмыцкой фольклористики. Поминки устраивали на седьмой и сорок девятый день. Совершали прежде всего символическое жертвоприношение, на домашнем алтаре перед бурханами зажигали лампаду (зул) и ставили жертвенную пищу (деещ), в которую входили мясо, борцоки, сладости. На 49-й день совершали жертвоприношение огню. Для этого обряда заворачивали баранью голову во внутренний жир и сжигали, держа ее над огнем.

Хайрхан! Огненная Окон-Тенгри,
Спаси нас от огня кальпы,
Наш умерший старец,
Пусть Ваша душа достигнет рая,
Этот запах пусть достигнет
Вас и будет Вам пропитанием.
Пусть не будет от Вас тачала,
Возьмите с собой все болезни
И несчастья своих родственников.
Об этом мы молимся!
Хурей! Хурей! Хурей!

В фольклорной традиции калмыков культовые благопожелания мало сохранились, количество текстов ограничено. Тексты сохранили свою древнюю структуру, воспроизводя обряд жертвоприношения.

Список литературы

1. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003.
2. Далай Ч. Монголия в 13–14 веках. М., 1982. С. 203.
3. Душан У. Суеверия и вредные обычаи калмыков. М., 1928.
4. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М., 1893.
5. Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1928.
6. Кануков Х.Б. Галын Окон Тенгри (Огнепоклонство у ламаистов-буддистов // Калмыцкая степь. 1928. № 8–9. С. 83–89.
7. Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 304.
8. Манжигеев Н.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
9. Митиров А.Г. К вопросу о культе собаки // Культура и быт калмыков (этнографичекие исследования). Элиста, 1977. С. 53–58.
10. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980.
11. Михайлов Г.И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.
12. Нармин М. Хар келн тоhрун. Элст, 1982. С. 98.
13. Насна А. Hазр-ус тәклhн // Хальмг үнн. 1990. Ноха сарин, 4.
14. Насна А. Ова тәклhн // Хальмг үнн. 1997. Ноха сарин, 27.
15. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. Сост. П. Небольсиным. Спб., 1852.
16. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (опыт сопоставления структур). М., 1984.

17. Позднеев А.М. Разъяснение «гал тайлгана» // АВ. Ф. 44. Ед. хр. 21.

18. Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст в связи с другими жанрами: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992. С. 8.

19. Хабунова Е.Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследования и материалы. Элиста, 1998.

20. Цацлын дееҗ. Элст, 1998.

* * *

1. Bakaeva E.P. Dobuddiyskie verovaniya kalmyikov. Elista, 2003. 357 s.

2. Dalay Ch. Mongoliya v 13–14 vekah. M., 1982. S. 203.

3. Dushan U. Sueveriya i vrednyie obyichai kalmyikov. M., 1928.

4. Zhitetskiy I.A. Ocherki byita astrahanskih kalmyikov (etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg.). M., 1893.

5. Kanukov H.B. Budda-lamaizm i ego posledstviya. Astrahan: Tipografiya Kalmizdata, 1928. 36 s.

6. Kanukov H.B. Galyin Okon Tengri (Ognepoklonstvo u lamaistov-buddistov // Kalmyitskaya step. № 8–9. Astrahan, 1928. S. 83–89.

7. Lobacheva N.P. Razlichnyie obryadovyie kompleksyi v svadebnom tseremoniale narodov Sredney Azii i Kazahstana // Domusulmanskie verovaniya i obryadyi v Sredney Azii. M., 1975. S. 304.

8. Manzhigeev N.A. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminyi. M., 1978.

9. Mitirov A.G. K voprosu o kulte sobaki // Kultura i byit kalmyikov (Etnograf. issledovaniya). Elista, 1977. S. 53–58.

10. Mihaylov T.M. Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshih vremen po XVIII v.). Novosibirsk: Nauka, 1980.

11. Mikhaylov G.I. Problemy folklora mongolskikh narodov. Elista, 1971.

12. Narmin M. Khar keln tohrun. Elst, 1982. S. 98.

13. Nasna A. Һazr-us təklhn// Khalmg үnn. 1990. Nokha sarin, 4.

14. Nasna A. Ova təklhn // Khalmg үnn. 1997. Nokha sarin, 27.

15. Nebolsin P.I. Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa, sost. P. Nebolsinym. Spb., 1852. 192 s.

16. Novik E.S. Obryad i folklor v sibirskom shamanizme (opyt sopostavleniya struktur). M., 1984. 303 s.

17. Pozdneyev A.M. Razyasneniye «gal taylgana» // AV, f. 44, ed. khr. 21.

18. Sadalova T.M. Altayskaya narodnaya skazka: etnofolklornyy kontekst v svyazi s drugimi zhanrami. avtoref. kand. filol. nauk. dis. ... M., 1992. S. 8.

19. Khabunova E.E. Kalmytskaya svadebnaya obryadovaya poeziya. Issledovaniya i materialy. Elista, 1998.

20. Tsatslyn deyeж. Elst,1998.

Verbal component of sacrifice ceremonies to fire

There is researched the sacrifice ceremony to fire – the ancient Kalmyk ceremony kept up to our time. The basic purpose of this ceremony is to appeal to happiness for their tribes and families.

Key words: *ceremony, ritual, fire, goodwill, happiness.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Л.С. ЕФИМОВА,
Н.В. АФАНАСЬЕВ
(Якутск)

ДУХ ОГНЯ У ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА (по материалам обрядовой поэзии)

Рассмотрен образ духа огня у тюрко-монгольских народов Сибири. Выявлены общие черты и особенности представлений о духе огня, уточнены представления и типологические черты, дан анализ эпитетов, функционального предназначения духа огня.

Ключевые слова: *дух огня, представления, тюрко-монгольские народы, типологические черты, обрядовая поэзия.*

Тюрко-монгольские народы Сибири с древних времен поклонялись огню и считали духа-хозяина огня самым близким духом, способным помочь им, и видели в нём основного защитника. Более подробную информацию о духе огня оставил А.Е. Кулаковский и охарактеризовал его как «великий из всех иччи, возводимый до степени божества и почитаемый больше богов» [10, с. 30]. Г.У. Эргис определил основные функции духа, считал его покровителем семьи, защитником от злых духов, посредником между людьми, духами и божествами [14, с. 127]. Н.А. Алексеев подчерки-

© Ефимова Л.С., Афанасьев Н.В., 2015